

"МИЛЫЙ ДОКТОР, ИСААК НАУМОВИЧ!"

12. 93

свидетелем последних лет жизни А.П.Чехова был доктор Исаак Наумович Альтшуллер. Судьба свела их в Ялте. Оба врачи, оба туберкулезные больные, осевшие на крымской земле. Интерес друг к другу проявился сразу. Не прошло и нескольких дней после знакомства в сентябре 1898 года, как Альтшуллер со сравнительной легкостью уговорил застенчивого и осторожного коллегу снять комнату в том доме, где снимал он. Оба ежедневно бродили по окрестностям Ялты, выбирая место для строительства дачи, воскрешали в беседах эпизоды из врачебной жизни, рассказывали друг другу о своих семьях, охотно посещали общих знакомых - поэта К.Бальмонта, певца Ф.Шаляпина, книготорговца И.Синани, доктора С.Елпатьевского. Насколько было возможно, Чехов и Альтшуллер совместно лечили больных.

Перемешивая таким образом скучную жизнь в Ялте, старались сохранить верность своему призванию. Чехов - интерес к литературному творчеству, Альтшуллер - к медицине. Обладая огромной эрудицией и талантом, Альтшуллер вскоре стал не только популярным, но и общедоступным врачом. Конечно, широкая известность Чехова давала ему полную свободу в выборе лечащего врача. Альтшуллер оказался для него наиболее подходящим. Несмотря на разницу в возрасте, от внимания Чехова не ускользнула естественность поведения Альтшуллера, преобладающий в его натуре оптимизм, пристрастие к подробностям, желание избегать всевозможных нагромождений при лечении, способность строго судить свои собственные промахи.

Впервые Альтшуллер как врач был приглашен к Чехову запиской: "Милостивый государь. Не окажете ли мне любезность посетить меня. Я лежу в постели. Преданный Вам А.Чехов. Захватите с собой, молодой товарищ, стетоскопчик и ларингоскопчик. 27 ноября." По своей форме и стилю обращение к Альтшуллеру меньше всего напоминает обращение больного к врачу. Оно скорее применимо к человеку, к которому питают дружеские чувства. Исключив в дальнейших взаимоотношениях какие-либо церемонии, оба старались придать им товарищеский характер, избегая разговоров о болезни. Находившийся в особом пренебрежении к своему здоровью Чехов разговаривал с Альтшуллером обо всем, в том числе о своих интимных чувствах, поступках, мнениях и даже образе мыслей, но чрезвычайно раздражался, когда доктор приближался к оценкам состояния его здоровья. Это обстоятельство заставляло Альтшуллера использовать разного рода хитрости для того, чтобы сохранить у Чехова душевное равновесие.

По-видимому, ему это удавалось. Несговорчивый больной часто соглашался

с рекомендациями и назначениями врача, хотя и отпускал несколько шуток насчет назойливости Альтшуллера в письмах к разным лицам. В таких забавах Чехов видел возможность на какое-то время забыть о недугах.

Потешаясь, он отвечал на многочисленные вопросы о состоянии здоровья родным и близким. Тем не менее Чехов полностью доверял Альтшуллеру, что не часто случалось в его взаимоотношениях с другими врачами. Для его жены, актрисы О.Л.Книппер, советы Альтшуллера не казались решающими. В ее письмах в Ялту разбросаны указания, как нужно мужу лечиться: "Одному Альтшуллеру я не могу верить, он не такой сведущий." В другом письме: "Мы побеседуем с Таубе и увидим, как дальше будет. Во всяком случае я в него больше верю, чем в Альтшуллера." Пятьдесят три раза в письмах к мужу Книппер ищет противоположности советам и рекомендациям ялтинского врача. Никакой благосклонности к человеку, который не рекомендовал Чехову жениться. Высокомерная и властолюбивая, она считала Альтшуллера человеком, оказавшимся не на высоте положения своими несвоевременными советами. Чехов возрождал ей: "Что ты все ворчишь, бабушка!"

Быть может, нет необходимости перечислять все причины, по которым Альтшуллер оказался между Чеховым и Книппер, но чрезвычайно важен тот факт, что доктор сузил возможности поездок Чехова в Москву на свидание с женой. Тем самым он пошел не только против воли Книппер, но и настаивал на том, чтобы она сама ездил в Ялту, а не удивлялась в письмах к Альтшуллеру, почему ее муж чахнет на глазах. Не было ничего опаснее таких объяснений и пожеланий, поскольку Книппер любила свои капризы. Чехову писала: "Не обращай внимание на то, что я пишу. В Москву, конечно, не приезжай совсем. Надо слушаться кого-нибудь одного, доверяй тогда Альтшуллеру, если ты ему веришь и считаешь его за такого отличного доктора."

Само собой разумеется, односторонность Книппер должна была влиять на Чехова. Однако ей было ясно, что муж слишком привязан к доктору и что нет ничего опаснее для ее репутации, как однообразно повторять, что во всем виноват доктор. Она попробовала разнообразить переписку. Отрицательных высказываний об Альтшуллере в ее письмах больше не было. Но как только Чехов умер, она пыталась обнаружить ошибки доктора. А между тем за два

месяца до кончины Чехов писал Альтшуллеру: "26 мая 1904 года, г.Москва. Дорогой Исаак Наумович, я как приехал в Москву, так с тех пор все лежу в постели, и днем, и ночью, и ни разу еще не одевался... 3 июня уезжаю за границу в Шварцвальд, в августе буду в Ялте. Крепко жму руку. Теперь я лежу на диване и по целым дням от нечего делать все браню Остроумова и Шуровского. Большое удовольствие. Ваш А.Чехов." Если он в письме называет тех врачей, которые не возражали против его поездки в Москву, он соответственно признает правоту Альтшуллера. В переписке между ними нет предубеждений. Ничто не могло воспрепятствовать беспристрастным оценкам ситуаций, намерений, настроений. Их письма не ограничены медицинскими терминами, но таких тем значительно больше, чем других. Переписка была впервые опубликована в 1960 году. Чехов неизменно обращался к Альтшуллеру "Милый доктор", не пробовал разнообразить обращения и не видел в этом необходимости. До того, как переписка между ними была опубликована, Альтшуллер в 1943 году поместил в "Новом журнале", издаваемом в Нью-Йорке, воспоминания о Чехове. Через 17 лет они были перепечатаны в России без упоминания источника, а затем - в извлечениях - в книге "А.П.Чехов в воспоминаниях современников".

По-видимому, мемуары Альтшуллера чем-то не устраивали. Временами его даже обвиняли в том, что он сыграл роковую роль в судьбе Чехова, в нечто похожем на "дело врачей". После того, как выяснилось, что никакого "дела" не было, и с вольным обращением с мемуарами лечащего врача не только Чехова, но и Л.Н.Толстого покончено, возникла еще одна версия. Альтшуллер, мол, дал ложное представление о характере Чехова. По всей вероятности имелось в виду отношение между Чеховым и редактором антисемитской газеты "Новое время" А.С.Сувориным, письма которого к Чехову были после смерти писателя уничтожены Сувориным. Альтшуллер был одним из немногих, кому Чехов эти письма читал и комментировал. Опираясь на них, Альтшуллер приводит в своих мемуарах некоторые высказывания Чехова о провокации французских врачей против Дрейфуса, обвиненного в измене.

Альтшуллер не мог знать, что, находясь во Франции во время процесса над Дрейфусом, Чехов дал интервью одному из журналов, в котором назвал судебный процесс чудовищным. Интервью до 1960 года не публиковалось, не упоминалось,

поскольку не было созвучно эпохе. Альтшуллер в мемуарах рассказывает, как страдал Чехов, читая антисемитские высказывания газеты "Новое время" и клевету на Дрейфуса. Пусть это будет упрощенное изложение событий, но фактическое отражение их имеется в переписке Чехова не только с Сувориным, но и с И.Я.Павловским, корреспондентом в Париже. 18 декабря 1898 года Чехов писал ему: "Ваше последнее письмо мне так понравилось, что я не удержался и прочел некоторые места из него одному врачу, который интересуется делом Дрейфуса". В мемуарах Альтшуллер не побоялся подвергнуться осуждению за то, что пересказал отношение Чехова к судебному процессу и, как оказалось, что никто не способен был через три четверти века опровергнуть своеобразие отношений между ним и Чеховым. Конечно, недостаток материалов в Америке, где Альтшуллер находился в эмиграции трудно преодолимое препятствие, но кому же, как не ему, было знать, как Чехов реагировал на текущие события.

Сама профессия врача заставляла Альтшуллера изучать и фиксировать умонастроения своего пациента, но в его мемуарах ему удалось воспроизвести живое очарование личности Чехова, раскрыть его юмор, столь же восхитительный, как и своеобразный. Для этого нужна была смелость. Альтшуллер попытался противопоставить ходячим представлениям о юморе Чехова свои собственные представления, рассказав, как описывал Чехов свои собственные похороны. Черный юмор? Нисколько. Сохраняя ироническое отношение к самому себе, Чехов пытался сохранить в своем рассказе абсолютную точность даже в описании академического костюма, в котором он будет погребен, не говоря уже о некрологах, которые появятся в газетах.

У Альтшуллера не было полномочий предавать гласности беседу с Чеховым накануне отъезда из Ялты в Баденвейлер, но он хотел подробно рассказать о характере и чувствах писателя, изображая неприкрашенные детали настроений, которые им владели. Общечеловеческие по своей природе, они приобретали чеховские формы. Именно этот раздел мемуаров оказался самым трудным для Альтшуллера. Откровенно говоря, он не совсем с ним справился, хотя воспоминания трижды создавались заново. Весьма возможно, что если бы не смерть в Нью-Йорке в 1943 году, Альтшуллер не утешился бы тем, что напечатал. Редко кто из мемуаристов Чехова обладал таким терпением и настойчивостью при воссоздании его своеобразия, какими обладал милый доктор.

Яков Симкин

Еврейская газ. - 1993 - дек (№23) - с. 4